

ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Ю.Н. Шихов*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ США К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье исследован процесс формирования подходов США к проблеме политического ислама в первой половине 1990-х годов. В это время феномен исламизма впервые оказался в центре политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке и в Северной Африке и стал рассматриваться в Вашингтоне в качестве целостной международной проблемы. В те же годы в американском экспертном сообществе и внешнеполитических ведомствах оформилась идея о необходимости диалога с умеренными исламистами, которая впоследствии легла в основу политики администрации Б. Обамы на Ближнем Востоке после событий «арабской весны». В статье рассмотрены дискуссии по проблеме политического ислама в политико-академических кругах США и подходы администраций Дж. Буша-старшего и У. Клинтона к этому явлению. Освещены попытки реализации Вашингтоном своих подходов к исламизму в ключевых странах региона — Египте, Алжире и Турции.

Ключевые слова: политический ислам, исламизм, США, Ближний Восток, Северная Африка, умеренные исламисты, демократизация.

События «арабской весны» 2011 г., ознаменовавшиеся падением правящих режимов сразу в нескольких странах Ближнего Востока и Северной Африки, привели, как и предполагали многие эксперты, к резкому усилению влияния политического ислама в регионе, в том числе в тех государствах, где это движение в последние годы заметно сдало свои позиции. В последующие месяцы победа исламистов на выборах в Египте и Тунисе, рост активности радикальных организаций в Йемене и Сирии продемонстрировали, что на Ближнем Востоке происходит масштабная перегруппировка сил и в ближайшие годы именно исламисты будут во многом определять политическую повестку дня в регионе. Позиция, занятая западными странами в ходе «арабской весны», несмотря на многочисленные предупреждения экспертов о том, что исламисты станут главными бенефициариями этих процессов [см., например: 38], вновь вывела

* Шихов Юрий Николаевич — атташе Четвертого департамента стран СНГ Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: ynshikhov@yandex.ru).

на передний план международной политики проблему взаимоотношений политического ислама и Запада. От способности западных лидеров и приходящих к власти в странах арабского мира исламистов найти точки взаимопонимания во многом будет зависеть ситуация на Ближнем Востоке в ближайшие годы.

Сделанный руководством западных стран, прежде всего американской администрацией Б. Обамы, выбор в пользу диалога с политическими группами, набирающими силу в арабском мире, очевидно, свидетельствует о начале нового этапа в их взаимоотношениях. Между тем история этих отношений насчитывает не одно десятилетие, и в ней уже имели место попытки найти компромисс. Предыдущая подобная попытка была предпринята в первой половине 1990-х годов, при первой администрации У. Клинтона. Именно тогда были заложены многие идейные основы нынешней политики администрации Б. Обамы. В тот же период был выработан ряд базовых принципов подхода США к проблеме политического ислама, многие из которых остаются востребованными и по сей день. В этой связи исследование политики Соединенных Штатов в отношении исламизма в первой половине 1990-х годов приобретает особую актуальность.

В данной статье рассмотрены процесс формирования подходов США к проблеме политического ислама в первой половине 1990-х годов (1991–1996) и их практическая реализация в тот период. Под исламизмом, или политическим исламом, в статье понимаются идеология и политическая практика, в центре которых находятся стремление к реставрации традиционных исламских ценностей и реорганизации политической, общественной и культурной жизни мусульманских стран на принципах ислама, а также борьба против различных внешних, прежде всего западных, влияний на исламский мир [2, с. 48]. Эта идеология, возникшая в мусульманском мире в первой половине XX в. (ее зарождение обычно связывают с созданием организации «Братья-мусульмане» в Египте в 1928 г.), получила широкое распространение с 1970-х годов вследствие разочарования населения мусульманских стран в заимствованных у Запада моделях государственного устройства, которые были неспособны разрешить комплекс социально-экономических и политических проблем, возникших в этих государствах в связи с процессом «догоняющей модернизации» [3, с. 10]. Наиболее известными идеологами исламизма считаются основатель египетской организации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна (1906–1949) и его последователь Сейид Кутб (1906–1966), лидер исламской революции в Иране аятолла Р. Хомейни (1900–1989) и пакистанский ученый и политик, создатель организации «Джамаат-аль-ислами» Абу аль-Ала Маудуди (1903–1979) [2, с. 28].

В американских политико-академических кругах в отношении исламизма в первое время широко применяли термин «исламский фундаментализм». Понятия «исламизм» (пришедшее из французской историографии) и «политический ислам» получили распространение в академических кругах и внешнеполитических ведомствах США позднее, начиная с 1990-х годов [20, р. 71]. При этом в американской официальной риторике того периода утвердилось понимание «исламского фундаментализма» как более широкого явления по сравнению с «исламизмом» и «политическим исламом». Руководитель ближневосточного бюро Госдепартамента в 1993—1996 гг. Р. Пелтроу отмечал, что термин «исламский фундаментализм» следует использовать с осторожностью и только в отношении общего процесса исламского религиозного возрождения в мусульманском мире. В свою очередь к тем движениям и группам в рамках более широкого фундаменталистского возрождения, которые обладали собственными политическими целями, он предлагал применять термины «исламизм» и «политический ислам» [27, р. 2]. Подобный подход не прижился (в дальнейшем понятия «исламский фундаментализм» и «исламизм» чаще всего использовали как синонимы [20, р. 75]), однако в нем прослеживалась определенная логика. Поскольку в данной статье речь пойдет прежде всего о тех исламистских движениях, которые активно участвовали в политической борьбе, мы будем, отталкиваясь от подхода, предложенного Р. Пелтроу, использовать термины «исламизм» и «политический ислам». Кроме того, именно они получили наибольшее распространение как в отечественной, так и в западной историографии.

Выбор первой половины 1990-х годов в качестве хронологических рамок статьи обусловлен тем, что в указанный период США впервые стали рассматривать политический ислам в качестве целостной международной проблемы и попытались выработать некие базовые принципы своего подхода к этому явлению. В 1991 г. в результате распада СССР и складывания новой политической ситуации на Ближнем Востоке после войны в Заливе проблема исламизма вошла в число приоритетов региональной политики США. Рост внимания Вашингтона к политическому исламу был также обусловлен рядом успехов исламистов в странах региона на рубеже 1980-х — 1990-х годов, которые получили название «второй волны экспансии исламизма»¹.

Верхним хронологическим рубежом статьи стал 1996 г. по двум основным причинам. Во-первых, к тому времени ситуация в регио-

¹ Под «первой волной экспансии исламизма» обычно понимают события конца 1970-х — начала 1980-х годов: исламскую революцию в Иране, активизацию радикальных групп в Саудовской Аравии, радикализацию шиитского меньшинства в Ливане и события, связанные с вводом советских войск в Афганистан.

не претерпела значительные изменения: «вторая волна экспансии исламизма» пошла на спад, и угроза прихода исламистов к власти в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, бывшая вполне реальной в начале десятилетия, отошла на второй план. В американской администрации также стали отдавать себе отчет, что предсказания относительно «исламистской волны, которая захлестнет Ближний Восток и Северную Африку», не сбылись [25]. Во-вторых, процесс фрагментации исламистского движения в регионе сделал практически невозможным восприятие его как единого целого. Вследствие этого администрация перестала заявлять о политическом исламе как о целостной проблеме и стала рассматривать его, как на уровне риторики, так и в практической политике, в каждой стране по отдельности. Все это означало серьезный сдвиг в подходах США к политическому исламу и завершение определенного этапа в их эволюции.

* * *

События рубежа 1980-х — 1990-х годов на Ближнем Востоке и в Северной Африке стали основным фактором, побудившим Вашингтон включить проблему исламизма в число приоритетов своей региональной политики. Если в 1980-е годы деятельность исламистского движения, по крайней мере его консервативно-салафитского спектра², была в значительной мере вписана в контекст биполярного противостояния, то с окончанием «холодной войны» исламисты получили возможность претендовать на роль доминирующей силы в региональной политике.

Как уже было отмечено, в тот период им удалось добиться целого ряда крупных успехов в нескольких странах Ближнего Востока и Северной Африки. В Алжире в 1991 г. Исламский фронт спасения одержал победу на парламентских выборах, и только вмешательство армии помешало ему прийти к власти. В Египте «Братья-мусульмане» также пользовались значительной поддержкой населения, а радикальные группировки развернули подпольную войну против режима Х. Мубарака. В Иордании в 1991 г. представители «Братьев» вошли в состав правительства. В 1989 г. исла-

² Со времени иранской революции 1979 г. в исламистском движении наметилось противостояние двух спектров — консервативного ваххабитского, ориентированного на Саудовскую Аравию и страны Залива, и революционного шиитского, представленного хомейнистским Ираном. Многие другие суннитские исламистские группы, прежде всего «Братья-мусульмане» и связанные с ними организации, несмотря на тесные контакты с Саудовской Аравией, были готовы и к сотрудничеству с Ираном, примером чего стала деятельность алжирских, суданских и палестинских исламистов.

мисты пришли к власти в Судане, а также заняли значительное место в палестинском движении.

Стремительная экспансия политического ислама и его превращение в одну из ведущих сил в регионе Ближнего Востока и Северной Африки не могли не вызвать обеспокоенности в США. Опасения Вашингтона относительно «исламистской угрозы» возрастали по ряду причин, которые могут быть разделены на две основные группы: культурно-цивилизационные факторы и соображения, лежавшие в сфере реальной политики и интересов безопасности.

Значительная часть американской политической элиты и общества видела в исламе культурно-цивилизационный вызов и угрозу западным ценностям. Это было обусловлено как резкой антизападной риторикой самих исламистов, так и комплексом распространенных на Западе негативных стереотипов в отношении мусульманского мира. Определенную роль играл также тот факт, что сама концепция «исламского государства», выдвигаемая исламистами, вступала в резкое противоречие с укорененным на Западе пониманием религии как системы личных убеждений, а не образа жизни и тем более основы государственного устройства. В результате сам исламистский феномен, в основе которого лежало стремление к восстановлению традиционной для исламских обществ связи между религией и государством³, часто рассматривался как «ненормальный» [11, p. 10].

Однако в вопросах внешней политики американцы традиционно руководствовались стратегическими интересами и соображениями безопасности, а не культурно-цивилизационными факторами, но и с этой точки зрения экспансия исламизма вызывала обеспокоенность Вашингтона сразу по нескольким причинам.

Во-первых, наибольшую активность исламисты проявляли на Ближнем Востоке — в регионе, где США обладали жизненно важными интересами, которые могли быть поставлены под угрозу в результате возможного прихода к власти радикальных групп в ключевых ближневосточных странах. Во-вторых, в сознании американской политической элиты и общества исламизм еще с 1980-х годов прочно ассоциировался с международным террориз-

³ В исламе, в отличие от христианства, никогда вплоть до XX в. не существовало традиции разделения светской и религиозной власти. В Арабском халифате правитель соединял функции светского главы государства и духовного лидера. Эту традицию унаследовала и Османская империя, где султан принял на себя титул халифа, а тем самым — духовное лидерство во всем исламском (суннитском) мире. Первый опыт разделения светской и религиозной власти, ставший радикальным разрывом с предшествующей традицией, был реализован в кемалистской Турции.

мом, что было связано с активной террористической деятельностью Ирана и проиранских группировок в регионе. В-третьих, со времен иранской революции Вашингтон видел в деятельности исламистских движений руку Тегерана, возлагая ответственность за их экспансию на проводимую ИРИ политику экспорта исламской революции [см., например: 17]. В-четвертых, исламисты ставили под угрозу одно из главных внешнеполитических начинаний администрации Дж. Буша-ст., а затем и У. Клинтона — ближневосточный мирный процесс. Наконец, в-пятых, светские режимы на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которым угрожали исламистские движения, в массе своей были дружественны США, и Вашингтон не мог оставить их на произвол судьбы.

Рост внимания Белого дома к проблеме политического ислама был обусловлен и переменами, происходившими на рубеже 1980-х — 1990-х годов в глобальной внешнеполитической повестке Вашингтона. С окончанием «холодной войны» американская политическая элита попыталась заново оценить спектр существовавших в мире угроз безопасности США. Исламизм представлялся одной из наиболее серьезных и был способен заполнить вакуум угрозы, образовавшийся после падения коммунизма. В этих условиях некоторые влиятельные группы в американском истеблишменте предприняли попытку обозначить политический ислам в качестве нового глобального идеологического противника [13]. Эта попытка не увенчалась успехом, однако проблема исламизма действительно заняла в начале 1990-х годов одно из центральных мест в региональной политике США.

Наконец, новые вызовы перед Вашингтоном поставили электоральные успехи исламистских партий в ближневосточных странах на рубеже 1980-х — 1990-х годов. Они продемонстрировали изменение облика движения, которое теперь широко использовало в своих целях процессы демократизации, набиравшие силу в регионе, и делало ставку на электоральные методы борьбы. В результате перед Соединенными Штатами вставал вопрос о том, как им следует реагировать на возможный приход исламистов к власти мирным путем. В наиболее острой форме этот вопрос возник после событий в Алжире⁴.

Все это стало катализатором широкой дискуссии по проблеме исламизма в политико-академическом сообществе США. Фено-

⁴ В декабре 1991 г. Исламский фронт спасения одержал победу в первом туре парламентских выборов в Алжире. За несколько дней до второго тура, запланированного на январь 1992 г., военные совершили государственный переворот, отменили результаты выборов, запретили исламистские партии и отстранили от власти президента Ш. Бенджедид. Эти события положили начало долгому вооруженному противостоянию между военным режимом и исламистами в Алжире.

мен политического ислама оказался в центре внимания американских политико-академических кругов еще со времен иранской революции. Именно тогда в споре о том, кто был виновен в «потере» Ирана, сформировались два основных подхода к этому явлению, получившие в западной историографии название конфронтационного и компромиссного [33, р. 3]. Однако в начале 1990-х годов дискуссия об исламизме вышла на новый уровень и стала одной из наиболее масштабных во внешнеполитической повестке США после окончания «холодной войны» [11, р. 80]. Под влиянием электоральных успехов исламистов в странах Ближнего Востока и Северной Африки в центре дискуссии оказался вопрос о совместимости исламизма, а в более широком плане — и всего ислама с демократией. Вместе с ним обсуждали и весь круг проблем, связанных с экспансией политического ислама и ее возможными последствиями для Запада.

К началу 1990-х годов в американской политической элите и общественном мнении преобладал конфронтационный подход к феномену исламизма. Сторонники этого подхода в большинстве своем принадлежали к республиканской части американского истеблишмента, но имели прочные позиции и среди ряда групп, ориентировавшихся на Демократическую партию. Конфронтационный подход доминировал в Конгрессе США и ведущих американских СМИ. Некоторые сотрудники администрации У. Клинтона в частных интервью отмечали, что среди американских законодателей и в общественном мнении господствуют «упрощенные и основанные на предрассудках» взгляды на политический ислам и мусульманский мир в целом. Они признавали, что подобные взгляды оказывают влияние и на политику администрации, ограничивая ее определенными рамками [11, р. 50]. Наиболее жесткую позицию в отношении исламистов в Конгрессе занимали представители Республиканской партии [см., например: 37, р. 27–31].

В интеллектуальной элите США наиболее известными сторонниками конфронтационного подхода были видный американский востоковед, профессор Принстонского университета Бернард Льюис, эксперт по Ближнему Востоку, издатель журнала “Middle East Quarterly” Дэниэл Пайпс и политолог Мартин Крамер. Среди американских «мозговых трестов» конфронтационный подход к проблеме исламизма поддерживали центры, связанные с Республиканской партией, прежде всего Фонд «Наследие» [см., например: 28]. Из числа центров, специализировавшихся на ближневосточной проблематике, оплотом сторонников этого подхода считался Вашингтонский институт ближневосточной политики во главе с Р. Сэтлоффом [33].

Всех приверженцев конфронтационного подхода объединяло восприятие мусульманского мира как основного источника угроз безопасности США после окончания «холодной войны», а исламизма — как монолитной силы, противостоящей Западу в исламском мире, или даже новой глобальной угрозы западной цивилизации. Большинство сторонников данного подхода рассматривали это противостояние в культурно-цивилизационном ключе, в той или иной мере разделяя основные положения теории С. Хантингтона. Еще в 1990 г., за 3 года до появления его известной статьи [16], Б. Льюис писал, что Запад имеет дело в исламском мире со *«столкновением цивилизаций — возможно, иррациональной, но исторически обусловленной реакцией старого противника против нашего иудео-христианского наследия, нашего светского настоящего и всемирной экспансии того и другого»* [22] (здесь и далее курсив наш. — Ю.Ш.).

В своих публикациях сторонники конфронтационного подхода постоянно проводили параллели между исламизмом и другими радикальными идеологиями XX в. — нацизмом и коммунизмом. Д. Пайпс, особенно часто использовавший такие аналогии, писал, что *«исламский фундаментализм является радикальным утопическим движением, которое ближе по своей сути к другим подобным идеологиям — коммунизму и фашизму, нежели к традиционной религии»*. Саму структуру исламистского движения он нередко сравнивал им с Коминтерном [30].

Рассматривая исламизм как безусловную угрозу Западу,истики, разделявшие конфронтационный подход, были скептически настроены в отношении перспектив демократизации мусульманского мира. Большинство из них полагали, что на практике ислам и демократия несовместимы, и преждевременное внедрение демократических институтов в мусульманских странах может привести к власти радикальные антизападные силы. В этой связи они были убеждены, что США следует воздерживаться от критики своих ближневосточных партнеров по вопросам демократии и прав человека и поддерживать их в противостоянии с исламистской оппозицией. Д. Пайпс, например, писал, что целесообразно оказывать поддержку режимам в Алжире и Египте точно так же, как в годы «холодной войны» — авторитарным режимам в Сайгоне и Сантьяго [29].

Сторонники конфронтационного подхода также считали бессмысленными любые попытки выделить в среде исламистов умеренные элементы, полагая, что все исламистские движения вне зависимости от избранных ими средств политической борьбы являются имманентно антизападными и антидемократическими. Например, Р. Сэтлофф отмечал: цель как умеренных, так

и радикальных исламистов — построение государства, основанного на шариате, что несовместимо с интересами Вашингтона в регионе [33].

Однако представители этой части американского истеблишмента не обладали монополией при обсуждении проблемы исламизма в США. Небольшой, но влиятельный сегмент в политико-академических кругах ставил под сомнение практическую применимость господствовавшего подхода и выражал обеспокоенность попытками создать из исламизма образ новой глобальной угрозы. Члены этого сегмента, принадлежавшие в основном к либеральным кругам американской политической и интеллектуальной элиты, рассматривали исламизм не как угрозу, а скорее как вызов, двойственное и неоднозначное явление, в отношении которого не может быть выработан единый подход [11, р. 14]. Наибольшее распространение этот взгляд на проблему исламизма получил в академической среде. Среди его наиболее известных сторонников были видный американский исламовед, профессор Джорджтаунского университета Джон Эспозито, эксперт по Ближнему Востоку Института Катона Лион Хадар, аналитик корпорации РЭНД Грэм Фуллер и ряд других представителей академического сообщества. Многие из них, прежде всего Дж. Эспозито, считавшийся наиболее влиятельным приверженцем компромиссного подхода, неоднократно выступали в качестве экспертов на слушаниях в Конгрессе, предлагая собственный взгляд на проблему политического ислама и политику США в его отношении [см., например: 31]. Кроме того, они имели определенное интеллектуальное влияние на ближневосточное бюро Госдепартамента, что признавал, в частности, его руководитель в 1993—1996 гг. Р. Пелтроу [27, р. 2].

В основе взглядов сторонников компромиссного подхода на проблему исламизма лежало иное, отличное от конфронтационного лагеря, понимание природы движения и причин его экспансии. Если последние видели корень проблемы в самой исламистской идеологии, радикальной и мессианской по своему содержанию, то первые полагали, что в реальности под исламистскими лозунгами в странах Ближнего Востока и Северной Африки выступают широкие социальные движения, стремящиеся к политической демократизации и экономическим реформам. Основные причины их подъема они видели в социально-экономической сфере и недовольстве населения существующими авторитарными режимами. Переход же части исламистов к насильственным методам борьбы объяснялся ими репрессивной политикой режимов и их неготовностью отступать от сложившихся авторитарных моделей правления [31, р. 19].

Другим вопросом, по которому представители конфронтационного и компромиссного подходов радикально расходились, было наличие умеренных элементов в исламистском движении. Сторонники компромиссных взглядов отвергали присущее конфронтационному лагерю восприятие исламизма как единой монолитной силы, противостоящей Западу в исламском мире. Они проводили различие между исламистскими организациями, действовавшими в легальном политическом поле, и экстремистскими группировками. Например, Дж. Эспозито полагал, что большинство исламистских движений в регионе готовы бороться за власть в рамках существующих политических систем и поддерживают идеи демократизации, прав человека и экономических реформ [31, p. 17].

По-иному сторонники компромиссного подхода воспринимали и проблему отношений политического ислама и Западу. Они отвергали представление об исламизме как об имманентно антизападной и антидемократической силе и полагали, что исламисты противостоят не Западу как таковому, а конкретным политическим действиям западных стран, прежде всего США, таким как безоговорочная поддержка Израиля и опора на репрессивные и коррумпированные режимы в арабском мире, а также долгая история американской военно-политической интервенции на Ближнем Востоке [11, p. 32]. Они также не были склонны разделять распространенные в американской политической элите опасения относительно возможных последствий прихода исламистов к власти. Дж. Эспозито полагал, что в этом случае большинство исламистских движений в регионе будут действовать, ориентируясь на национальные интересы своих стран, и демонстрировать гибкость, принимая реалии взаимозависимого и глобализирующегося мира [31, p. 77].

При этом критика сторонниками компромиссного подхода господствовавшего дискурса по проблеме исламизма была продиктована прежде всего прагматической оценкой ими ситуации в регионе и задач американской политики. Они полагали, что в долгосрочной перспективе падение светских авторитарных режимов на Ближнем Востоке неизбежно, и США должны заранее установить контакты с исламистами как с силой, которая наиболее вероятно придет им на смену. Продолжение же существовавшего курса, по мнению Дж. Эспозито и других приверженцев компромиссных взглядов, способствовало только нарастанию отчуждения между Вашингтоном и исламским миром и укрепляло позиции радикалов в исламистской среде [19, p. 23].

События «второй волны экспансии исламизма» оказались серьезным вызовом и для администрации Дж. Буша-ст. Электораль-

ные успехи исламистов ставили перед ней сложную дилемму: стоит ли поддерживать процессы демократизации, набравшие силу на Ближнем Востоке, если они могут привести к власти антизападные и, вероятно, антидемократические силы? Военный переворот в Алжире прямо поставил вопрос, распространяется ли приверженность Вашингтона плюрализму и демократии на страны арабского и мусульманского мира [см., например: 19, р. 24]. Эти события впервые побудили администрацию выработать некоторые общие принципы своего подхода к исламу.

Таким образом, проблема политического ислама заняла заметное место в региональной политике США с начала 1980-х годов, при этом ранее какого-либо целостного подхода к ней не существовало. Администрация Дж. Картера, впервые столкнувшаяся с этим явлением во время революции в Иране, оказалась не способной выработать какую-либо цельную политику по этому вопросу. В то же время иранская революция серьезно повлияла на американское общество и во многом способствовала формированию в США образа политического ислама как радикальной, антизападной силы [11, р. 42].

Пришедшие на смену администрации Дж. Картера республиканцы сразу же обозначили свою конфронтационную линию в отношении политического ислама. Многие члены команды Р. Рейгана полагали, что в перспективе исламизм может стать не менее серьезной угрозой для США, чем СССР [см., например: 34, р. 44]. Однако понимание природы этого явления в Вашингтоне на тот момент было весьма поверхностным. Политический ислам часто рассматривался как специфический шиитский феномен и ассоциировался почти исключительно с Ираном [12, р. 44]. Некоторые американские эксперты по проблеме исламизма, уже тогда понимавшие всю его сложность, резко критически отзывались о политике администрации Р. Рейгана в этом направлении. Например, руководитель Центра по международным отношениям Бостонского университета Х. Элит отмечал, что в Белом доме и руководстве американских внешнеполитических ведомств нет специалистов, которые бы разбирались в проблеме политического ислама, а к экспертам на более низком уровне редко обращаются за советом, в результате чего решения по этим вопросам принимают политики, крайне слабо ориентирующиеся в данной проблематике [18, р. 67].

Жесткая конфронтационная риторика в отношении исламизма, принятая администрацией Р. Рейгана (например, госсекретарь Дж. Шульц называл исламский фундаментализм «одним из видов радикального экстремизма») [34, р. 3], далеко не всегда соответствовала реальным действиям. Приоритетом США на Ближнем Востоке в те годы оставалось противостояние СССР и его союзни-

кам, а не исламистам. В результате политика Вашингтона в отношении исламизма была крайне противоречивой. С одной стороны, Соединенные Штаты находились в состоянии конфронтации с Ираном и проиранскими организациями на Ближнем Востоке, но с другой — тесно сотрудничали с исламистами в Афганистане.

Попытка выработать более цельный подход к проблеме исламизма была предпринята Белым домом только при администрации Дж. Буша-ст. Основные положения этого подхода были впервые изложены помощником госсекретаря по делам Ближнего Востока Эдвардом Джереджианом в его выступлении в Меридиан Хаусе в Вашингтоне в июне 1992 г. [9]. Это было первое заявление представителя американской администрации, в котором политический ислам рассматривался в качестве целостной международной проблемы. Оно заложило основы американской официальной риторики в этом вопросе на годы вперед и создало те интеллектуальные рамки, в которых исламизм рассматривали последующие администрации вплоть до 2000 г. [11, р. 85]. Ввиду несомненного концептуального значения этого документа на нем стоит остановиться подробнее.

Заявление Э. Джереджиана показало, что по сравнению с временами администрации Р. Рейгана в Вашингтоне произошел сдвиг в сторону более глубокого понимания феномена политического ислама. В американском руководстве стали осознавать, что исламизм — намного более сложное и комплексное явление, чем это было принято представлять в 1980-е годы. В этих условиях администрация приняла, по крайней мере на уровне риторики, целый ряд тезисов, выдвинутых сторонниками компромиссного подхода. Прежде всего, это касалось убеждения в том, что исламский мир не должен стать новым глобальным противником Соединенных Штатов. Э. Джереджиан был первым официальным представителем американской администрации, заявившим, что *«США не рассматривают ислам в качестве очередного “изма”, противостоящего Западу и угрожающего миру во всем мире, и на смену “холодной войне” не пришло противостояние между исламом и Западом»* [9, р. 36]. Это был очень важный символический жест в сторону исламского мира, значение которого трудно было переоценить. Он демонстрировал решительное отмежевание администрации от крайностей конфронтационного подхода, обозначавших в качестве противника США не только исламизм, но и ислам как таковой.

Администрация также приняла ключевой для приверженцев компромиссных взглядов тезис о неоднородности исламистского движения и наличии умеренных элементов в его среде. Э. Джереджиан заявил, что *«в странах Ближнего Востока и Северной Африки мы видим группы и движения, стремящиеся реформировать свои об-*

щества на основе исламских идеалов, но существуют значительные различия в том, как понимают исламские идеалы сами эти движения» [6, р. 36]. Таким образом, он дал необычно мягкую по сравнению с заявлениями администрации Р. Рейгана оценку самому феномену исламизма, продемонстрировав явный сдвиг Белого дома в сторону компромиссного подхода к этому явлению. Кроме того, Э. Джереджиан признал, что США *«не усматривают каких-либо скоординированных международных усилий за деятельностью этих движений»* [9, р. 36], подтвердив тем самым отказ администрации считать экспансию исламизма только следствием проводимой Ираном политики экспорта исламской революции.

Наиболее сложным был вопрос о критериях дифференциации исламистских движений и выделения в их среде умеренных и радикальных элементов. В своем выступлении Э. Джереджиан подчеркнул, что отношение США к тому или иному движению определяется не его идеологической ориентацией, а конкретной политической программой и используемыми им методами борьбы. Он заявил, что *«все те политические силы на Ближнем Востоке, которые стремятся к демократизации своих стран, могут рассчитывать на поддержку США»* [9, р. 37]. В то же время он отметил, что в политике существует ряд принципов, которые Вашингтон считает неприемлемыми, а поддерживающие их движения — экстремистскими и не готовыми к диалогу. К экстремистским (вне зависимости от светской или религиозной направленности) Э. Джереджиан отнес все те политические силы, которые использовали терроризм, угнетали меньшинства, проявляли нетерпимость и нарушали международные стандарты прав человека, отрицали политический плюрализм, стремились к построению авторитарной политической системы, пропагандировали религиозную или политическую конфронтацию с внешним миром, не разделяли приверженности мирному урегулированию конфликтов, особенно арабо-израильского, и были готовы применять насилие для достижения своих политических целей [9, р. 37]. Подобный набор критериев потенциально позволял администрации отнести к числу экстремистских большинство исламистских политических движений, действовавших в регионе.

Приняв в своем выступлении целый ряд тезисов, выдвинутых сторонниками компромиссного подхода к исламизму, Э. Джереджиан, однако, разошелся с ними по ключевому, имевшему практическое значение вопросу о политической демократизации Ближнего Востока. Поддержав саму идею демократизации, он вместе с тем отметил, что *«в регионе существуют силы, готовые использовать демократический процесс для своего прихода к власти, но в реальности стремящиеся к его разрушению и завоеванию политического*

доминирования» [9, р. 37]. Это заявление содержало явную отсылку к событиям в Алжире, где США в первое время фактически отказались осудить срыв военными избирательного процесса.

В целом новый подход к проблеме исламизма, предложенный Э. Джереджианом, был достаточно гибким и в наибольшей степени соответствовал реальным интересам Вашингтона. С одной стороны, он позволял ему «навести мосты» с исламским миром, но с другой — оставлял широкое пространство для маневра в отношении исламистского движения. Как показала практическая политика администраций Дж. Буша-ст. и У. Клинтона, компромиссная риторика нового подхода практически не вступала в противоречие с интересами США, позволяя им в одних случаях жестко противодействовать исламистам (как это было в Иране, Палестине и Египте), а в других — занимать более двусмысленную позицию и пытаться найти компромисс между исламистами и их противниками (примером чего была американская политика в Алжире и Турции).

С приходом в Белый дом администрации У. Клинтона проблема политического ислама осталась в числе приоритетов американской политики на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В феврале 1993 г. в Госдепартаменте был создан семинар для выработки основ подхода США к этой проблеме. На семинаре присутствовали госсекретарь У. Кристофер и посол Соединенных Штатов при ООН М. Олбрайт, что демонстрировало высокий уровень внимания новой администрации к политическому исламу [3, с. 43]. В Госдепартаменте также была создана исследовательская группа, в задачи которой входили мониторинг и анализ исламских движений в различных странах мусульманского мира. Группа работала в условиях секретности, и какое-либо публичное упоминание о ее существовании не допускалось. Позже один высокопоставленный сотрудник Госдепартамента, оценивая результаты работы группы, в частном интервью признавал, что она позволила получить «критическое и учитывающее различные нюансы» представление о феномене политического ислама [11, р. 89].

В официальной риторике новая администрация в основных чертах заимствовала подход, предложенный в период правления Дж. Буша-ст., при этом проблему политического ислама стали затрагивать в своих выступлениях и высшие руководители Белого дома и Госдепартамента. В большинстве своем такие заявления, однако, носили характер символических жестов, направленных на создание позитивного образа США в мусульманском мире. Наиболее показательным в этом плане стало выступление У. Клинтона в иорданском парламенте в октябре 1994 г. [7]. Президент отверг теорию столкновения цивилизаций, заявив, что *«традиционные ценности ислама находятся в гармонии с лучшими американскими*

идеалами». Он также подчеркнул, что *«противостояние на Ближнем Востоке, как и в любом другом регионе мира, идет не между цивилизациями, а между тиранией и свободой, террором и безопасностью, нетерпимостью и толерантностью, изоляцией и открытостью»* [7]. Подобные заявления должны были, во-первых, положить конец спекуляциям относительно того, что ислам станет новым глобальным противником США (такие взгляды вновь стали набирать силу популярность после публикации в 1993 г. статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [16]), а во-вторых — поправить имидж Соединенных Штатов в мусульманском мире, серьезно пострадавший в ходе войны в Заливе.

Однако риторика администрации У. Клинтона по проблеме исламизма содержала не только стилистические, но и некоторые сущностные новации. В наиболее развернутом виде они были изложены в выступлении помощника госсекретаря по делам Ближнего Востока Р. Пелтроу в Совете по ближневосточной политике в мае 1994 г. [27].

В своем выступлении Р. Пелтроу более однозначно, чем ранее Э. Джереджиан, признал факт наличия на Ближнем Востоке и в Северной Африке значительного числа умеренных исламистских движений и их право на участие в политической жизни своих стран. Он заявил, что *«в регионе существует много легитимных, социально ответственных мусульманских групп, участвующих в политической борьбе»* [27, р. 3]. Предполагалось, что такие группы могут стать партнерами США по диалогу.

Р. Пелтроу также выдвинул тезис о социально-экономических проблемах государств региона как основной причине подъема политического ислама на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В дальнейшем этот пункт неизменно присутствовал в заявлениях представителей администрации по данному вопросу. Р. Пелтроу объяснял популярность политического ислама тем, что *«люди в регионе не удовлетворены текущим положением дел и руководством своих стран и ищут пути улучшения своей жизни, создания более ответственной государственной системы, строительства лучшего будущего для своих детей и гарантии базовых прав человека»* [27, р. 3]. Подобные оценки заметно сближали подход администрации с позицией тех, кто выражал компромиссный взгляд на исламизм и видел в исламистских движениях в регионе широкие социальные силы, стремящиеся к политической демократизации и экономическим реформам [31, р. 62].

Однако, несмотря на предпринятые в первой половине 1990-х годов попытки выработать некие общие принципы подхода США к политическому исламу, в практической сфере, предполагавшей принятие конкретных решений в отношении исламист-

ских движений, администрации Дж. Буша-ст. и У. Клинтона руководствовались сугубо прагматическими соображениями, прежде всего интересами Вашингтона в той или иной стране. Даже в официальных заявлениях представители обеих администраций иногда признавали, что США не имеют цельной политической линии в отношении исламизма, а сам он становится значимым фактором в американской политике только тогда, когда затрагивает непосредственные интересы Соединенных Штатов [25]. В частных же беседах сотрудники администраций заявляли, что беспокойство США вызывает только внешнеполитическая повестка исламистов, и Вашингтон не стал бы препятствовать их приходу к власти в том или ином государстве, если бы последние сосредоточили свое внимание исключительно на внутривнутриполитических проблемах [11, р. 102].

В большинстве случаев практическая политика администраций Дж. Буша-ст. и У. Клинтона в отношении исламизма не выходила за рамки, обозначенные в их официальной риторике. В то же время в ней прослеживалась определенная закономерность: в тех странах, где у США были важные стратегические интересы, Вашингтон с большей подозрительностью относился к исламистским движениям и занимал скорее конфронтационную позицию; в тех же государствах, где американские интересы были менее значимыми, администрация с большей готовностью шла на диалог с исламистами.

Так, конфронтационный подход доминировал в политике первой администрации У. Клинтона в отношении исламистских режимов в Иране и Судане, а также исламистских движений в зоне арабо-израильского конфликта. Это было обусловлено прежде всего их жестким противодействием ближневосточному мирному процессу — краеугольному камню региональной политики США. При этом в официальной риторике представители администрации пытались по возможности нивелировать роль исламистского фактора, неоднократно заявляя, что причиной недовольства Вашингтона является не природа этих режимов, а их конкретные действия во внешней и внутренней политике [17]. Подобный подход в полной мере соответствовал одному из основных тезисов американской официальной риторики в отношении исламизма, согласно которому критерий оценки того или иного режима или движения в исламском мире — его конкретные действия, а не идеологическая или религиозная принадлежность.

Несколько более сложной и двусмысленной была позиция США в отношении исламистских движений в Египте — другой стране, имевшей большое значение для интересов Вашингтона на Ближнем Востоке и в Северной Африке. С одной стороны, в американском внешнеполитическом истеблишменте существовало

прочное убеждение, что режим Х. Мубарака служит щитом от экспансии радикального исламизма во всем регионе, а его падение может иметь даже более серьезные последствия, чем иранская революция [см., например: 6, р. 40]. С другой стороны, в начале 1990-х годов на фоне нарастания нестабильности в Египте и роста активности радикальных исламистских группировок в стране американские дипломаты установили неофициальные контакты с рядом лидеров ведущей египетской исламистской организации — «Братьев-мусульман». В частной беседе один из сотрудников Совета национальной безопасности объяснял необходимость поддержания подобных контактов тем, что *«существующие в регионе режимы рано или поздно исчезнут, а одна из ключевых задач политики США состоит в том, чтобы переход к новому порядку на Ближнем Востоке произошел с минимальным ущербом американским интересам»*. Он отмечал, что *«США рассматривают исламистов как важную часть широких социальных сил, действующих в регионе, и задача Вашингтона в этих условиях должна состоять в том, чтобы поддерживать диалог с исламистами, не вызывая в то же время чрезмерно резкой реакции правящего режима»* [11, р. 178].

Подобные заявления свидетельствовали о том, что в Вашингтоне хорошо осознавали неустойчивость светских авторитарных режимов на Ближнем Востоке, в том числе египетского, и выстраивали свою политику в этой стране на долгосрочную перспективу. Тем самым администрация во многом следовала рекомендациям сторонников компромиссного подхода к исламизму. Однако практическая реализация подобной линии оказалась возможной лишь в течение непродолжительного времени.

Уже в 1994 г. США свернули контакты с египетскими исламистами и вернулись на позицию безоговорочной поддержки режима Х. Мубарака. Эта перемена в политике администрации была обусловлена как давлением со стороны египетского руководства, обвинявшего Вашингтон в ведении двойной игры, так и успехами властей в борьбе с радикальными исламистскими группировками, позволившими заметно стабилизировать обстановку в стране в 1994 г. [26].

На фоне других государств региона заметно выделялась политика США в отношении исламистского движения в Алжире. В 1990-е годы эта страна, ставшая ареной вооруженного противостояния между военными и исламистами, оказалась в центре дебатов в США по проблеме политического ислама. Алжирский кризис рассматривался многими наблюдателями как случай, на примере которого можно было понять истинное отношение Соединенных Штатов к политическому исламу и оценить уровень готовности Вашингтона к диалогу с исламистами [см., например: 8].

Представители администрации также неоднократно подчеркивали, что позиция США в отношении событий в Алжире является примером реализации на практике основных принципов американского подхода к исламизму [27, р. 2].

Определяющее влияние на эту позицию оказал тот факт, что Алжир имел для Вашингтона намного меньшее стратегическое значение, чем, например, Египет. Это позволяло администрации быть более гибкой и с большей готовностью идти на диалог с исламистами. С середины 1992 г. Белый дом стал требовать от алжирского военного руководства вступить в переговоры с умеренной, отвергающей насилие частью исламистской оппозиции и включить ее в легальный политический процесс [31, р. 46]. Одновременно США попытались «навести мосты» с ведущей организацией алжирских исламистов — Исламским фронтом спасения, квалифицировав его как потенциально умеренную группу и возможного партнера для диалога в случае победы исламистов во внутреннем противостоянии [23, р. 25].

Контакты США с алжирскими исламистами, как заявляли в частных беседах сотрудники администрации У. Клинтона, преследовали две основные цели. Во-первых, они должны были предупредить возможный коллапс военного режима в Алжире, вероятность которого на определенном этапе противостояния американцы оценивали как весьма высокую. Во-вторых, в администрации понимали, что в условиях эскалации конфликта умеренные фракции исламистов могут быть маргинализированы радикалами, и стремились поддержать первых как значимую силу в алжирском политическом процессе, способную сыграть конструктивную роль в урегулировании кризиса в стране [11, р. 146].

Эту политику Белый дом проводил вплоть до конца 1995 г., после чего заметно скорректировал свою позицию в алжирском конфликте в сторону большей готовности к сотрудничеству с режимом, обусловив его поддержку прогрессом в реализации политических и экономических реформ. Подобная корректировка курса была обусловлена рядом факторов: легитимизацией режима с помощью президентских выборов в ноябре 1995 г., а также переходом инициативы в среде исламистов к радикальным элементам. Кроме того, к указанному времени в Вашингтоне стали нарастать опасения относительно дестабилизирующего влияния алжирского кризиса на страны Северной Африки и ближневосточный регион в целом [37].

Еще одним, в некоторой степени даже более очевидным примером реализации на практике компромиссного подхода США к проблеме исламизма стала реакция администрации У. Клинтона на формирование в июне 1996 г. в Турции правительства во главе с

лидером исламистской партии «Рефах» Н. Эрбаканом. Появление в Турции правительства под руководством исламистов стало результатом их успеха на выборах в конце 1995 г. и неспособности светских партий создать собственную правительственную коалицию. В итоге кабинет был сформирован «Рефах» в коалиции с одной из светских партий, но даже в таком составе он не обладал большинством в парламенте [1, с. 321].

Реакция США на формирование исламистами правительства в Турции была неоднозначной. С одной стороны, в Вашингтоне были серьезно обеспокоены таким развитием событий. Турция была одним из ключевых американских союзников в регионе, и с окончанием «холодной войны» ее значение для американцев только возросло. Кроме того, в США эту страну рассматривали в качестве одной из моделей мирного сосуществования и сотрудничества между мусульманским миром и Западом [35, р. 360].

Однако, несмотря на изначальную обеспокоенность событиями в Турции, американская администрация заняла прагматичную позицию в отношении нового турецкого руководства, поскольку в Вашингтоне понимали, что правительство Н. Эрбакана является непрочным, а кемалистские элиты никогда не позволят ему самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику страны.

Уже в первые дни после формирования правительства Н. Эрбакана Белый дом изложил условия, на которых он был готов к сотрудничеству с ним. В июле 1996 г. заместитель госсекретаря П. Тэрнофф провел встречу с Н. Эрбаканом и заявил, что США согласны работать с новым турецким руководством, если оно будет соблюдать американские интересы безопасности в регионе [15].

В конечном счете опасения американской администрации относительно политики правительства Н. Эрбакана оказались беспочвенными. В течение года своего пребывания у власти, с июня 1996 г. по май 1997 г., оно проводило прагматичную внешнеполитическую линию и за исключением ряда инициатив, вызвавших недовольство в Вашингтоне (таких как налаживание отношений с Ливией и Ираном), стремилось поддерживать ровные отношения с Соединенными Штатами.

Таким образом, несмотря на высокую стратегическую значимость Турции для США, Белый дом занял компромиссную позицию в отношении правительства Н. Эрбакана, что объяснялось как политикой, проводимой самими турецкими исламистами, так и непрочностью их нахождения у власти и убежденностью американского руководства в их неспособности радикально изменить внешнеполитическую ориентацию страны.

В целом же в сфере практической политики США в отношении исламизма к середине 1990-х годов стала очевидной тенденция к от-

казу Вашингтона от диалога с исламистами. Турецкий пример был в этом плане определенным исключением по причине из-за наличия в Турции прочных традиций светской государственности и развитых институтов, способных ограничить влияние исламистов на политическую жизнь страны. Свою роль сыграла также изначальная ориентированность турецких исламистов на мирные средства политической борьбы. В других же государствах региона попытки диалога с исламистами, предпринятые США в начале десятилетия, были в основном свернуты. Это объяснялось несколькими обстоятельствами. Так, к середине 1990-х годов, как уже было отмечено, «вторая волна экспансии исламизма» пошла на спад, и массовые исламистские движения, претендовавшие на власть в ряде стран региона на рубеже 1980-х — 1990-х годов, либо распались, либо серьезно снизили свою активность. Радикальные группы, вступившие в вооруженную борьбу с режимами в Алжире и Египте, также потерпели поражение. Исламистские режимы в Иране и Судане находились в состоянии глубокого кризиса. Все это побуждало некоторых влиятельных аналитиков говорить о закате политического ислама [30]. В американской администрации не спешили соглашаться с подобными утверждениями, однако признавали, что прогнозы относительно прихода исламистов к власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки не оправдались [25].

К середине 1990-х годов усилился и процесс фрагментации в рядах исламистского движения. Одним из наиболее показательных примеров в этом плане стал Алжир, где одна часть бывших членов Исламского фронта спасения примкнула к радикальным вооруженным группам, в то время как другая интегрировалась в политическую систему страны, сняв с повестки дня вопрос о немедленном приходе к власти [1, с. 266]. Подобные процессы происходили и в других государствах региона. В таких условиях рассматривать исламизм в качестве целостного политического явления было уже невозможно. Вследствие этого с 1997 г. американская администрация отказалась от общих заявлений по проблеме политического ислама и стала оценивать этот феномен в своей риторике и политической практике в каждой стране по отдельности. Одновременно произошло некоторое снижение значимости этой проблемы в числе приоритетов американской региональной политики. Вместе с тем основные принципы подхода США к политическому исламу, выработанные в начале 1990-х годов, не были пересмотрены и продолжали действовать. Этот переходный этап в политике Соединенных Штатов в отношении исламизма продолжался вплоть до событий 11 сентября 2001 г., когда данная проблема вернулась в число приоритетов, но уже в ином разрезе и при иных обстоятельствах.

Таким образом, первая половина 1990-х годов стала временем формулирования подходов США к проблеме политического ислама. Процесс их выработки был сложным, многогранным и находился под влиянием как различных групп интересов в самих Соединенных Штатах, так и многих внешних факторов.

Проблема политического ислама в тот период была предметом оживленной дискуссии в американских политико-академических кругах. Администрация не могла остаться в стороне от этого обсуждения, и высказываемые в ходе него точки зрения также оказывали влияние на ее политику. В начале 1990-х годов американское руководство решительно отмежевалось от крайностей конфронтационного подхода к исламу, основанного на теории столкновения цивилизаций. В то же время Вашингтон не рискнул применить на практике и идеи, выдвинутые сторонниками компромиссного подхода, прежде всего поддержку процессов демократизации на Ближнем Востоке. Однако на уровне риторики администрации Дж. Буша-ст. и У. Клинтона заимствовали многие тезисы компромиссного лагеря — признание неоднородности исламистского движения и наличия в его среде умеренных элементов, необходимость поддержания диалога с умеренными исламистами и т.д. Либеральная риторика администраций позволила снять нараставшее напряжение между США и исламским миром и поправить имидж Вашингтона в регионе.

Вместе с тем на уровне практической политики основное значение для принятия решений в отношении конкретного исламистского движения приобретали непосредственные интересы Белого дома в той или иной стране региона. В большинстве случаев реальные действия администраций Дж. Буша-ст. и У. Клинтона не противоречили основным положениям официальной риторики. Сама эта риторика носила намеренно двусмысленный и расплывчатый характер, и значительную ее часть можно было интерпретировать в пользу как диалога с исламистами, так и отказа от него. Подобная двусмысленность в наибольшей степени соответствовала интересам США, позволяя им поддерживать свой либеральный и политкорректный образ в исламском мире, не накладывая на себя никаких конкретных обязательств.

Что же касается практической политики, то в первой половине 1990-х годов США в целом признали возможность и даже необходимость диалога с умеренными исламистами. В первую очередь это касалось тех стран, где у власти находились менее устойчивые по сравнению с монархиями светские авторитарные режимы. Однако такой диалог, если он и имел место, рассматривался лишь как

средство «страховки» на случай падения правящего режима в целях минимизации ущерба американским интересам. Более того, в администрации не видели противоречия между налаживанием контактов с исламистами и продолжением курса на поддержку правящего режима. В целом же США в указанный период крайне осторожно шли на диалог с исламистами и старались сохранять статус-кво в регионе, полагая, что он в наибольшей степени отвечает их интересам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кепель Ж.* Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
2. *Малашенко А.В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М., 2006.
3. *Мирский Г.И.* Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М., 2008.
4. America and Islam. A Wobbly Hand of Friendship // *The Economist*. 1995. August 26. P. 43–44.
5. *Ceu Pinto M.* Political Islam and the United States: A Study of U.S. Policy towards Islamist Movements in the Middle East. Reading, UK: Ithaca Press, 1999.
6. *Chase R.S., Hill E.B., Kennedy P.* Pivotal States and U.S. Strategy // *Foreign Affairs*. 1996. Vol. 75. № 1. P. 33–52.
7. *Clinton W.J.* Remarks to the Jordanian Parliament in Amman, Jordan. October 26, 1994 [Electronic resource] // The American Presidency Project [Official website]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=49373> (accessed: 09.05.2012).
8. The Crisis in Algeria. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. 103rd Congress, 2nd Session. March 22, 1994. Washington, D.C.: GPO, 1995.
9. *Djerejian E.P.* The United States and the Middle East in a Changing World. Address of Assistant Secretary of State for Near Eastern and South Asian Affairs at Meridian House International, Washington, D.C., June 2, 1992 // *DISAM Journal*. Summer 1992. P. 32–39.
10. *Esposito J.* The Islamic Threat: Myth or Reality? Oxford: Oxford University Press, 1992.
11. *Gerges F.* America and Political Islam. Clash of Cultures or Clash of Civilizations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
12. *Gordon B.* Islam – Washington's New Dilemma // *Middle East Quarterly*. 1996. Vol. 3. № 1. P. 43–52.
13. *Hadar L.T.* The “Green Peril”. Creating the Islamic Fundamentalism Threat [Electronic resource] // The Cato Institute [Official website]. *Cato Policy Analysis* № 177. August 27, 1992. URL: <http://www.cato.org/pubs/pas/pa-177.html> (accessed: 10.02.2010).
14. *Hibbard S.W., Little D.* Islamic Activism and U.S. Foreign Policy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 1997.
15. *Hoaglang J.* Political Con Game in Turkey // *The Washington Post*. July 9, 1996.

16. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.
17. *Indyk M.S.* The Clinton Administration's Approach to the Middle East. Remarks at the Washington Institute for Near East Policy, Soref Symposium 1993 [Electronic resource] // The Washington Institute [Official website]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/templateC07.php?CID=61> (accessed: 18.09.2010).
18. Islamic Fundamentalism and Islamic Radicalism. Hearings before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 99th Congress, 1st Session. June 24, July 15, and September 30, 1985. Washington, D.C.: GPI, 1985.
19. Islamic Fundamentalism in Africa and Implications for U.S. Policy. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representative. 102nd Congress, 2nd Session, May 20, 1992. Washington, D.C.: GPO, 1993.
20. *Kramer M.* Coming to Terms: Fundamentalists or Islamists? // Middle East Quarterly. 2003. Vol. 10. № 2. P. 65–77.
21. *Lake A.* Conceptualizing U.S. Strategy in the Middle East. Remarks of the National Security Adviser at the Washington Institute for Near East Policy, Soref Symposium 1994 [Electronic resource] // The Washington Institute [Official website]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/templateC07.php?CID=63> (accessed: 21.09.2010).
22. *Lewis B.* The Roots of Muslim Rage // The Atlantic Monthly. September 1990.
23. *Migdalovitz C.* Algeria: Four Years of Crisis. CRS Report for Congress, Congressional Research Service, Library of Congress, May 1, 1996.
24. *Migdalovitz C.* Turkey's Unfolding Political Crisis. CRS Report for Congress, Congressional Research Service, Library of Congress, April 11, 1997.
25. *Pelletreau R.H.* Dealing with the Muslim Politics of the Middle East: Algeria, Hamas, Iran. Address to the Council on Foreign Relations, New York, May 8, 1996 [Electronic resource] // Electronic Research Collections [Official website]. URL: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/bureaus/nea/960508PelletreauMuslim.html> (accessed: 11.10.2012).
26. *Pelletreau R.H.* Recent Events in the Middle East. Statement before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the House Foreign Affairs Committee, Washington, D.C., June 14, 1994 // U.S. Department of State Dispatch. 1994. Vol. 5. № 25 [Electronic resource] // Electronic Research Collections [Official website]. URL: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1994/html/Dispatchv5no25.html> (accessed: 5.09.2012).
27. *Pelletreau R.H. Jr., Pipes D., Esposito J.L.* Symposium: Resurgent Islam in the Middle East // Middle East Policy. 1994. Vol. 3. № 2. P. 1–21.
28. *Phillips J.* The Challenge of Revolutionary Iran. A Special Report to the House Committee on International Relations Subcommittee on International Operations and Human Rights. March 29, 1996 [Electronic resource] // Heritage Foundation [Official website]. URL: <http://www.heritage.org/Research/MiddleEast/CB24.cfm> (accessed: 14.09.2009).
29. *Pipes D.* [Left vs. Right:] Same Difference // The National Review, November 7, 1994 [Electronic resource] // Daniel Pipes.org [Personal website].

URL: <http://www.danielpipes.org/260/left-vs-right-same-difference> (accessed: 10.10.2012).

30. *Pipes D.* There Are No Moderates: Dealing with Fundamentalist Islam // The National Interest. Fall 1995 [Electronic resource] // DanielPipes.org [Personal website]. URL: <http://www.danielpipes.org/274/there-are-no-moderates-dealing-with-fundamentalist-islam> (accessed: 25.01.2010).

31. Recent Developments in North Africa. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on International Relations, House of Representatives, 103rd Congress, 2nd Session, September 28, 1994. Washington, D.C.: GPO., 1995.

32. *Roy O.* L'Échec de l'Islam politique. Paris, Seuil, 1992.

33. *Satloff R.* U.S. Policy toward Islamism: A Theoretical and Operational Overview [Electronic resource] // Council on Foreign Relations [Official website]. February 2000. URL: http://www.cfr.org/publication/8614/us_policy_ToWard_islamism_a_paper_for_the_muslim_politics_project.html (accessed: 18.09.2010).

34. *Shultz G.* The Future of American Foreign Policy. New Realities and New Ways of Thinking. Testimony before Senate Foreign Relations Committee. January 31, 1985 // U.S. Department of State Bulletin. May 1985.

35. *Talbott S.* U.S. – Turkish Leadership in the Post Cold War World. Address at Bilkent University, Ankara, Turkey. April 11, 1995 // U.S. Department of State Dispatch, April 24, 1995.

36. Terrorism in Algeria; Its Effect on the Country's Political Scenario, on Regional Stability, and on Global Security. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives. 104th Congress, 1st Session, October 11, 1995. Washington, D.C.: GPO, 1996.

37. The Threat of Islamic Extremism in Africa. Hearing before the Subcommittee on Africa of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 104th Congress, 1st Session, April 6, 1995. Washington, D.C.: GPO, 1995.

38. *Trager A.* The Unbreakable Muslim Brotherhood // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. №5. P. 31–45.

39. *Wright R.* Islam, Democracy, and the West // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 3. P. 131–145.